
УДК 81'22
ББК 81.001.4
А 95

Ахиджакова М.П.

Доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, e-mail: zemlya-ah@yandex.ru

Баранова А.Ю.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, e-mail: ilsavo@mail.ru

**Знаковые особенности «дальнейших значений»
в языковом пространстве художественного текста
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается природа внеязычного содержания по отношению к содержанию мыслительному, что образует дальнейшее значение в языковом пространстве художественного текста. Показано, что структурирование речи в языковом пространстве художественного текста со своими специфическими особенностями происходит за счет взаимосвязи и взаимовлияния ближайшего и дальнейшего значений. Отмечается, что языковое сознание автора, которое детерминировано особенностями языкового пространства художественного текста, раскрывает духовные, нравственно-этические и поведенческие нормы героев. Установлено, что «дальнейшие значения» в языковом пространстве художественного текста лежат в основе формирования семиотических (знаковых) систем и механизмов информативно насыщенного языкового сознания.

Ключевые слова:

Языковое пространство, языковое сознание, ближайшее значение, дальнейшее значение, моделирование речи, внутренняя форма слова.

Akhidzhakova M.P.

Doctor of Philology, Professor of General Linguistics Department, Adyghe State University, e-mail: zemlya-ah@yandex.ru

Baranova A.Yu.

Candidate of Philology, Associate Professor of General Linguistics Department, Adyghe State University, e-mail: ilsavo@mail.ru

**Sign features of “subsequent meanings” in language space
of the fiction text**

Abstract:

This paper sheds light on how the nature of the extra lingual content is related to the cogitative content that forms the subsequent meaning in language space of the fiction text. Speech structuring in language space of the fiction text with the specific features is shown to occur due to interrelation and interference of the immediate and subsequent meanings. The language consciousness of the author, which is determined by features of language

space of the fiction text, discloses spiritual, moral, ethical and behavioural norms of heroes. It is established that “subsequent meanings” in language space of the fiction text underlie formation of semiotic (sign) systems and mechanisms of information-saturated language consciousness.

Keywords:

Language space, language consciousness, immediate meaning, subsequent meaning, speech modeling, internal form of the word.

Языковое пространство художественного текста иллюстрирует природу внеязычного содержания по отношению к содержанию мыслительному, что образует дальнейшее значение. В соответствии с этим, языковое сознание, основываясь на отечественных традициях моделирования речи, отличается субъективностью, так как речь строится исходя из различия чувственных восприятий между людьми.

Содержание понятий в языковом пространстве художественного текста обогащается, оно возрастает количественно, уточняется, возрастает его объективность. Однако оно остается внешним по отношению к языку, дальнейшими значениями для него, и поэтому «...слово может указывать на такое содержание, но затем о нем не судит и не нуждается в нем для объяснения явлений языка» [1: 72].

Опираясь на концепцию А.А. Потебни, полагаем, что языковое сознание посредством языка и с помощью ближайшего значения выбирает из личных значений слова те признаки, которые присутствуют в дальнейшем значении всех носителей языка. По этой причине ближайшие значения формальны и представляют собой форму дальнейших, внеязычных, значений, что позволяет быть языку общедоступным, то есть народным.

Мысли говорящего и понимающего сходятся в слове, которое является связующим знаком и которое «делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга» [1: 20]. Ближайшее значение объективно по отношению к дальнейшим значениям, которые субъективно варьируются в речи героев в языковом пространстве художественного текста. «...Мы

вправе считать язык особым знанием, то есть мы вправе принять третье знание, знание языковое, рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным...» [2: 79].

Таким образом, ближайшее значение слова среди его дальнейших значений находится в соответствии с общей природой языка, в котором наблюдается совмещение объективности и субъективности. «Язык – это средство не столько выражать уже готовую истину, сколько открывать прежде неизвестную – по отношению к познающему лицу есть нечто объективное, по отношению к познаваемому миру – субъективное», – отмечает А. А. Потебня вслед за В. Гумбольдтом [3: 59]. Имея народный, объективный характер, ближайшее значение служит «посредником между людьми и содействует достижению истины в чисто субъективном кругу человеческой мысли». Субъективность языка «еще более очевидна и эмпирически доказывается тем, что содержание слова во всяком случае не равняется даже самому бедному понятию о предмете и тем более неисчерпаемому множеству свойств самого предмета» [3: 59].

Знак, его ближайшее значение фокусирует особенности дальнейших значений, что способствует формированию внутренней формы, которая является отношением содержания мысли к языковому сознанию автора. Таким образом, структурирование речи героев в языковом пространстве художественного текста со своими специфическими особенностями происходит за счет взаимосвязи и взаимовлияния ближайшего и дальнейшего значений. Этим и обусловлено форми-

рование языкового пространства художественного текста. Следует отметить, что возможные интерпретации соотношения значений (объективного и субъективного) и понимания находят аналогию с разграничением информационных запасов в языковом пространстве художественного текста. «Информационным запасом мы называем объем информации, ассоциируемый коммуникантами с некоторым языковым знаком или обозначаемым им объектом действительности (денотатом). Такой объем информации у различных коммуникантов чаще всего не совпадает» [4: 55]. Но информативная насыщенность (интеллектуализация) языкового сознания автора наделяет речь его героев различным объемом информации и позволяет коммуниканту считать данную лексическую единицу знаковой в различных условиях, что способствует выявлению сущности внутренней формы слова. Следовательно, внутренняя форма слова обусловлена «мотивированностью, или пронитаемостью для всякого рода «словообразовательных» ассоциаций» [5: 210].

Как компонент содержательной структуры слова, внутренняя форма является центром образа, то есть выступает в речи героев в языковом пространстве художественного текста как «один из его признаков, преобладающий над всеми остальными... Слово с самого своего рождения есть для говорящего средство понимать самого себя, апперципировать свои восприятия. Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [3: 147].

Н. И. Жинкин, в свою очередь, в понимании смысла опирается на концепцию Г. Фреге, изложенную в его статье «Смысл и денотат». По словам Г. Фреге, «знак как таковой (будь то слово, словосочетание или графический смысл) может мыслиться не только в связи с обозначаемым, то есть с тем, что можно было бы на-

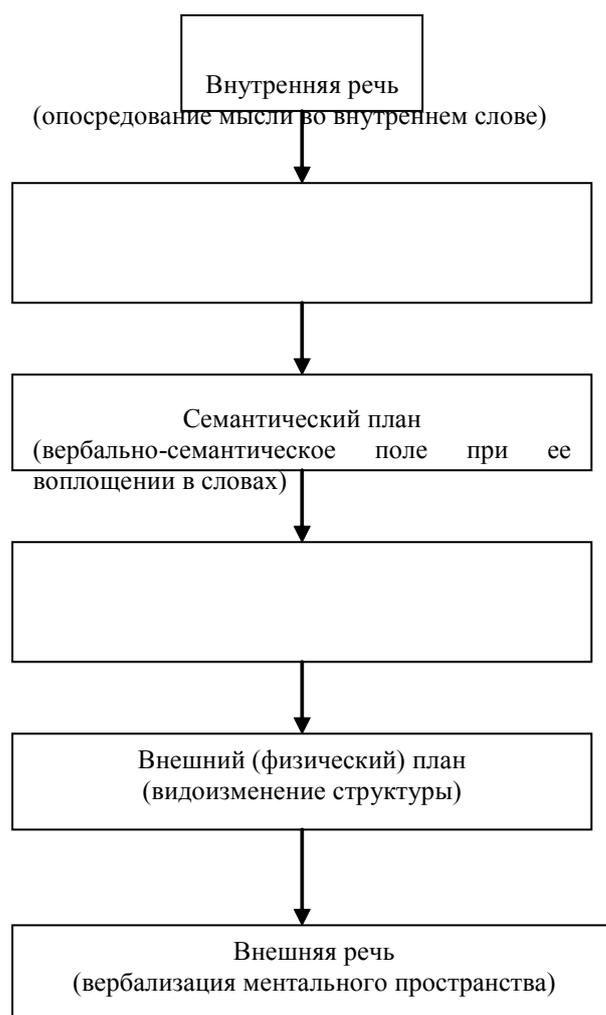
звать денотатом знака, но и в связи с тем, что ... хотелось бы назвать смыслом знака. Смысл знака – это то, что отражает способ представления обозначаемого знаком... Из сказанного следует, что под знаком (или именем) я понимаю любое обозначение, выступающее в роли имени собственного; денотатом знака является определенная вещь (в самом широком смысле слова), но не понятие или отношение» [6: 183].

«Природа речи заключается в смысловой связи утверждений, в их соединении», – пишет Г. Фреге. Развивая данное положение, Н. И. Жинкин рассматривает смысл как «особенность конкретной лексики», как то, «что предметно тождественно в разных лексических оформлениях», ибо смысл – всегда предметный [7: 81]. Уникальность смысла заключается в том, что он является общим для коммуникантов, поскольку репрезентирует единство и «связность» предметных отношений. Модель Н. И. Жинкина отражает переход речи «с одного кода на другой – устный, внутренней речи, буквенный код. В конце концов, образуется последний, фундаментальный код – текстовый (денотатный)...» [7: 110-111]. Именно осмысленный текст реализует замысел, снабжает общество информацией, оптимизирует интеллект и становится в итоге «памятью человеческого общества».

В работе исследуются особенности языкового пространства художественного текста, языковое сознание автора, сформированное с помощью информативно насыщенных актов сознания автора, раскрывающих духовные, нравственно-этические и поведенческие нормы героев.

Несомненный интерес представляет специфика моделирования речемыслительной деятельности языкового сознания, которая является объектом нашего исследования.

Ниже попытаемся представить последовательность данного речесмыслительного процесса в схематической форме:

«Оязычивание» языкового пространства художественного текста, которое проявляется посредством речевых высказываний его героев, может трактоваться как «переход от субъективного, еще словесно не оформленного и понятного лишь самому субъекту смысла к словесно оформленной и понятной любому слушателю системе значений, которая формулируется в речевом высказывании» [8: 193]. Дело в том, что реальный мир в языковом пространстве художественного текста множественен и многообразен. И ключевой момент в формировании высказываний героев в языковом пространстве художественного текста состоит в придании автором имени объектам мыслительного процесса, так как оно не может предоставить отдельное имя для каждого без исключения слу-

чая или явления мира. Особенностью именованний является то, что автор, обладая информативно насыщенным языковым сознанием, пользуется суммой знаний, приобретенных предшествующим опытом, который находит применение в сознании к новым (практически любым) объектам. Этот вид речемыслительных операций в языковом пространстве художественного текста можно назвать актуальным именованием, в котором языковое сознание автора тонко решает проблему нахождения адекватного слова или фразы в «лексиконе двуязычного сознания» (термин наш – М.А., А.Б.). Поэтому, в языковом пространстве художественного текста когнитивный выбор словесного средства данным автором для выражения действующей интенции среди множества имеющихся вариантов прида-

ет в процессе акта именования известным словам новое содержание.

Именно на основе этих позиций автора можно предложить гипотезу механизма актуального именования. В процессе формирования языкового пространства художественного текста автор пользуется структурными подразделениями двух типов. Это ментальный компонент (психологическое содержание, возникающее в результате тех или иных операций умозаключения, репрезентации и др.) и лексикон владеющего языками человека.

Ментальный компонент содержится в языковом сознании автора текущие акты сознания, образные, понятийные, вербальные. Особый интерес представляет проявление ментального сознания в речемыслительном процессе (в вербальном пространстве). Мыслительные акты могут протекать в логическом, осознаваемом субъектом, более того вербализуемом и интуитивном, при котором субъект не осознает и не может описать словами течение своих умственных действий.

Следовательно, речемыслительный процесс ментального сознания выполняет когнитивную функцию, состоящую в создании нового ментального продукта, познании действительности, и поэтому мысль находит возможность воплотиться в слове. Следует также отметить, что лексикон автора, владеющего языками обширен, что позволяет ментальному сознанию выполнять когнитивные функции в соответствии с контекстом отдельными частями (ментальные сферы), то есть ограниченными вербальными полями, где происходит основной элемент процесса перехода мысли ментального сознания языковой личности автора в словесную (вербальную) форму. Существенной оказывается роль иницилирующего импульса языкового сознания (моделирование речи своих героев), которая активизирует взаимодействие ментального и языкового компонентов, что наблюдается во внутренней и внешней речи героев в языковом про-

странстве художественного текста. В процессе вербализации в языковом пространстве художественного текста гармонично взаимодействуют фактор интеллекта автора и фактор речезыкового механизма.

Иными словами, метафорично можно сформулировать это так: интеллект ищет слово или вербальное понятие по смыслу и исходному намерению на том или ином языке, а речь и язык предоставляют для выбора спектр имеющихся заготовленных именовании. «Общность применяемых к языку и культуре понятий может проистекать из одинакового взгляда на эти феномены как на семиотические (знаковые) системы...» [9: 184].

Продуктивность в смысле создания новой мысли, нового видения действительности ментального пространства оказывается прерогативой интеллекта языкового сознания автора, который определяет элементы в пространстве ментальных операций, подлежащие вербализации. Он также осуществляет перебор языковых возможностей и выбор словесного продукта, отвечающего имеющейся интенции (в данном случае – для ментального сознания), ситуации общения, эстетическому вкусу речи героев и другие. Интеллект оценивает и результат, и понимание речевого продукта, снимая неясности в процессе вербализации ментального пространства. И речезыковой механизм также обеспечивает ментальное поле языковых возможностей посредством извлечения из него «ментальных сфер», отражающих духовные, нравственно-этические ценности героев в языковом пространстве художественного текста. Средством их проявлений служат различные речевые действия: выражение уважения к старшим, признания, заискивания, величия; почтительное отношение к женщине, вежливое и терпеливое выслушивание собеседника, уважительное и бережное отношение к родной природе, корректное реагирование в процессе общения и многое другое.

Таким образом, особенности

«дальнейших значений» в языковом пространстве художественного текста лежат в основе формирования семиотических систем и механизмов информативно насыщенного языкового сознания, которое может быть представлено богатым спектром речевой выразительности в вербализации языкового пространства.

Примечания:

1. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1958. Т. 1-2. 536 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2. 384 с.
3. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. 614 с.
4. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
5. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.
6. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М., 1977. Вып. 8.
7. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.
8. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. 319 с.
9. Ахиджакова М.П. Межкультурные основы в текстовом аспекте современной лингвистики // Вестник Адыгейского университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 1. С. 182-187.

References:

1. Potebnya A.A. From notes on Russian grammar. M.: Prosveshchenie, 1958. V. 1-2. 536 pp.
2. Baudouin de Courtenay I.A. Selected works on general linguistics. M.: The USSR AS publishing house, 1963. V. 2. 384 pp.
3. Potebnya A.A. Thought and language // Potebnya A.A. Esthetics and poetics. M., 1976. 614 pp.
4. Minyar-Beloruhev R.K. General theory of translation and oral translation. M.: Voenizdat, 1980. 237 pp.
5. Shmelev D.N. Problems of the semantic analysis of lexicon (based on the Russian language). M.: Nauka, 1973. 280 pp.
6. Frege G. On sense and meaning // Semiotics and informatics. M., 1977. Iss. 8.
7. Zhinkin N.I. Speech as a bearer of information. M.: Nauka, 1982. 159 pp.
8. Luriya A.R. Language and consciousness. M.: The MSU publishing house, 1979. 319 pp.
9. Akhidzhakova M.P. The cross-cultural foundations in a text aspect of modern linguistics // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2012. Issue 1. P. 182-187.